

ИСТОРИИ

**Боже мой, у меня когда-то была жизнь.
Я ее жила и любила** Репортаж спецкора
«Новой газеты» Елены Костюченко
из Одессы

13:08, 30 марта 2022 · Источник: Meduza

Фото: Scott Peterson / Getty Images. Одесса. 14 марта 2022 года

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Корреспондент «Новой газеты» Елена Костюченко находится в Украине с самого начала российского вторжения. Из-за введения в России военной цензуры ее репортажи выходили в «Новой» с сокращениями, затем некоторые из них были удалены редакцией из-за угрозы уголовного преследования. 28 марта «Новая газета» получила от Роскомнадзора второе письменное предупреждение за упоминание НКО — «иностранного агента» без маркировки — и решила приостановить работу до окончания «специальной операции на территории Украины». Редакция «Медузы» выражает солидарность с журналистами издания.

Мы уверены, что в нынешних условиях репортажи Елены Костюченко о войне должны быть доступны для россиян. С любезного разрешения «Новой газеты», ее главного редактора, нобелевского лауреата Дмитрия Муратова и автора мы публикуем их в полном виде.

Этот текст был опубликован в «Новой газете» 5 марта с сокращениями из-за военной цензуры. Другие репортажи Елены Костюченко можно прочитать

на «Медузе» здесь (репортаж с границы с Польшей),
здесь (из Николаева) и здесь (из Херсона).

В Одессу я доезжаю поездом из Львова. Поезд полупустой. Мой сосед по купе — Роман, подполковник запаса украинской армии — добирается из Щецина, Польша. Там осталась его семья. Он рассчитывает попасть на войну. «Сначала попробую в свою часть. Надеюсь, возьмут, я все-таки кадровый военный». Роман звонит маме и говорит, что у него полный пакет еды, но есть он не может, может только пить кофе.

Окна в поезде закрыты плотными шторами — светомаскировка, свет включается только на остановках. Белья нет — белье сняли со всех украинских поездов и отдали армии.

Одесса ждет десанта и штурма.

Штурм не случается: на Черном море разыгрывается шторм. Корабли отходят назад.

К морю не подойти. Лузановский пляж — мелкий и самый удобный для высадки — заминировали. На береговой линии возводятся укрепления. В жилые кварталы у моря пускают только местных жителей.

Контроль над городом осуществляет тероборона — добровольческое подразделение, сформированное при украинской армии. В тероборону набирали на второй

день войны. Через полчаса набор закрылся, и теперь одесситы поднимают «все связи», чтобы попасть в подразделение. Пока записывают желающих. В случае наступления на город их призовут. Тероборона осуществляет контроль над стратегическими объектами, проверяет документы у прохожих, ищет диверсантов и «разведчиков противника», задерживает мародеров. Масштабного мародерства, вопреки опасениям, не случилось — но те, кто есть, изощренные: надевают форму полицейских, притворяются сотрудниками полиции. Мародеров здесь принято приматывать скотчем к фонарным столбам.

Теробороновцы носят желтую повязку из скотча на правом рукаве. Молодые ребята, дед с седой бородой, некоторые прячут лица — холодно. При наступлении российской армии тероборона переходит в партизанский режим войны. «У нас много сюрпризов».

Боец теробороны Андрей Владимирович

Елена Костюченко / «Новая газета»

Андрей Владимирович, бывший полицейский, а теперь боец теробороны, говорит:

Я коренной одессит. Родился в Одессе. Разговариваю с вами на чистом русском языке. Но за язык здесь никто никогда не ущемлял. Я розмовляю чудовою украинської мовою. Я люблю два языка, но больше я люблю свой украинский язык, потому что это язык моего государства. Но я вырос в русскоговорящей семье и говорю на русском языке. И здесь никто никогда не ущемлял права русскоязычного населения. Никто и никогда. Я как-то жил в Российской Федерации, в Сибири — там к украинцам относились

хуже, чем мы здесь относимся к русским. Вам говорят, у нас бандеровцы? Я им не був, теперь вже стал.

Я лично задержал здесь позавчера диверсанта, который прикидывался бомжом. Вот в этом мусорнике здесь ковырялся. Второй день здесь ходил наблюдал за нашим объектом. И он просто оказался с идеальным лицом чистым. С ровными белыми зубами. Сказал, что он бомж. В нормальных кроссовках, чтоб если что убегать. Паспорт у него был и айди-карта наша, украинская. Свежая, в декабре выданная. И наши ребята, когда уже подошли, начали его проверять. Говорят: «Олегович?» Он: «Александрович!» А по паспорту Владимирович. Потом мы достали у него документы. Оказалось, военный билет у него. Специальность — стрелок. Сдали его в контрразведку.

В первый день войны на Промышленной [улице] возле подразделения «Шторм» взорвали склад. Это был не удар с воздуха. Это был подрыв на земле. Но не тот склад взорвали. Там на этом складе не хранилось ни оружия, ни боеприпасов — но в прошлом хранилось. Устаревшая была информация.

Я надеюсь, что у Путина хватить ума не бомбить Одессу. Почему? Потому, что это единственный город из всех миллионщиков в Украине, который они считают, что основали русские. Чисто морально.

просто не хватит совести. Что Екатерина Вторая отстроила. Одесса для них — это какое-то священное место, я думаю. Потому, что для них это священное место по идее все-таки! Одесситов знает весь мир! Как убивать одесситов? С чувством юмора. Как это? У них это в голове не укладывается. Как они могут это сделать? Идти просто убивать таких же русскоговорящих, как и они.

Они не хотят бомбить Одессу — ни сам Путин, ни генералы. Они создают видимость, что они напали на Одессу. Смотрите. Вчера самолет военный бомбил. Пролетел над Одессой и выпустил две ракеты под Одессой. Причем он якобы бомбил Красноселку⁽¹⁾, там у нас находится воинская часть. Выпустил две ракеты. В лиман. Ракета прилетела в лиман, и следующая ракета в лиман, и никого не убили, жертв ноль. То есть летчик выполнил задание. Он выполнил задание? Выполнил. Бомбил воинскую часть? Бомбил. Ну, просто он промахнулся. Все довольны, никто не в обиде. Выполнил приказ. Поэтому я думаю, что Одесса будет цела.

А Путин будет или в Гааге, или его свои же убьют. Вот увидите. У него только два пути. Он уже не умрет даже своей смертью.

* * *

На флагштоках на одесских домах — украинские флаги. Кажется, настал праздник. Флаги вешают утром и снимают с наступлением комендантского часа — боятся, что по ночам флаги могут украсть диверсанты или мародеры. Флаги берегут. Про снятие флагов на ночь давали специальное разъяснение — потому что, когда флаги стали снимать первый раз, было много испуганных звонков.

Трамвайное депо делает противотанковые ежи из рельс. Яхт-клуб плетет маскировочные сетки. Два пляжа — Отрада и Черноморка — ждут волонтеров: засыпать песок в мешки, мешками с песком укрепляют баррикады и блокпосты. «На песке» поработали в эти дни многие — «хорошо отвлекает от мыслей».

В обороне участвует практически вся молодежь. Люди объезжают закрытые кафе, собирают бутылки и подсолнечное масло. Ищут инсулин для диабетиков — его не хватает. Помогают беженцам добраться до границы. Татуировщики Одессы договорились, что вся стандартная такса за татуировку — 100 долларов — будет переводиться вооруженным силам Украины.

Привоз закрыт. Дерибасовская перекрыта мешками с песком, уличными столиками, бетонными блоками. Баррикады через каждые 50 метров. Проверяют

документы. Зеленоглазый бородатый парень берет мой паспорт:

— О, россиянка.

Зовут товарища.

— Харьков обстреляли из «Градов». Сейчас. Я сам азербайджанец, поняла? Это не забудется и не простится. Никогда мы не будем с вами. Моему сыну 15. Я все сделаю, чтоб он к вам никогда никакого отношения не имел!

За его спиной студенты засыпают песок в мешки, из мешков возводится баррикада.

Оперный театр — сердце Одессы — окружен баррикадами.

Рядом, на Ришельевской — волонтерский центр. Он не единственный — но самый крупный. В других центрах готовят горячие и сухие обеды, собирают помощь старикам, детям, беженцам, инсулинозависимым. Многие волонтерские группы возникли из чатов в телеграме — и теперь спортсмены, шахматисты, многодетные мамы, юристы развозят еду, доставляют людей к границе, забирают лекарства от границы (молдавские пограничники разрешают передачу лекарств). На Ришельевской принимают и сортируют помощь теробороне, полиции и армии.

Раньше здесь был городской центр еды — открытый фуд-маркет, модное место. Люди в оранжевых и желтых жилетах, все делается очень быстро. Сегодня здесь работает 80 человек.

Одесские волонтеры. 4 марта 2022 года

Scott Peterson / Getty Images

Инга говорит:

У нас просто хватает мощностей это делать. И у нас тут просто команда сверхэффективных лучших менеджеров города и предпринимателей, которые направили сюда свои лучшие ресурсы для того, чтобы организовать логистику, приемку, отгрузку, верификацию заказов, верификацию отгрузок, подтверждение доставки. Поэтому мы можем как бы

принимать большое количество заказов, верифицировать и делать.

Мы работаем по графикам, по сменам, потому что, ну, это очень тяжелая работа, целый день. Мы все-таки в стрессе сейчас очень жестком — стараемся, чтобы людей сменять. У нас тут есть штатный психолог, которого мы попросили тоже здесь находиться. Ну что, даже я могу в течение дня несколько раз разрыдаться. Когда меня спрашивают: «А кем вы были до войны?» И ты думаешь: «Боже мой, у меня когда-то была жизнь, я ее жила и любила».

Мы также провели волонтерам тренинг в первый день по оказанию медицинской помощи — потому что такое время и не дай бой что, чтобы ты мог помочь своему товарищу спасти жизнь.

Я юрист, собственница юридической компании Departments. В прошлой жизни, как говорится.

Первый день войны. Мне позвонила девочка из моей команды, и я, к сожалению или к счастью, я очень крепко сплю, то есть меня не удалось разбудить взрывами, потому что я ничего не слышу, но она позвонила в истерике и говорит: «Инга, я не знаю, что делать», — со слезами. Она говорит: «Я буду уезжать, родители истерят, едут со мной». Ну и дальше уже началось. Это, знаете, был такой контраст, когда

я помню это утро — было красивое солнце, светлые занавески, этот поток света, и в этот момент истерика в трубку: «На нас напали, бомба пролетела возле моего дома, я не знаю, что это!» И ты просто не... и ты просто сонный на все это смотришь, и у тебя такой эффект сюрреализма какого-то. Ну, потому что, ну, это ужасно.

— А вы хотели бежать?

— Бежать? В первый день была такая мысль — я родом с Западной Украины. У меня там родители, звонят в истерике: «Быстро до нас!» Но я подумала, взяла себя в руки и сказала: «Так, сорри, я не поеду». Я нужна тут, у меня высокая квалификация. Я юрист, хороший менеджер, я отлично работаю, у меня есть свое место, и я не могу покинуть его в такой час. Я сделаю все, что могу, чтоб сюда не пришел российский оккупант.

Инга

Елена Костюченко / «Новая газета»

По городу открыты ларечки с кофе. Тероборону и полицейских поят бесплатно. К женщине, покупающей пирожки, подходят пацанята лет 15, черные шапки натянуты на нос:

— Вы извините, а мы сами с Донецка. Тикали, тикали. Дайте брату позвонить. По громкой связи!

Женщина протягивает телефон и спокойно стоит рядом. Берет у продавщицы сдачу, отдает ребятам. Продавщица смотрит во все глаза и говорит, лишь когда ребята отошли:

— Зря вы, это местные, наши. Они у меня кулек на той неделе утащили, с руки выхватили! Вы телефон так не давайте. И денег не давайте.

— Продуктов купят, поедят, — говорит женщина.

— От хорошей жизни не врут такое.

У ТЦ «Галерея Афина» стоит бабушка. Надежда Михайловна, 76 лет. Кланяется с подвыванием:

— Помилуй нас, господи. Дай нам мир на земле, господи.

Ей дают купюры. Ей надо успеть купить продукты до комендантского часа.

В магазине — истерическая вежливость. Все пропускают друг друга, «пожалуйста», «спасибо», «доброго дня». Муки нет, хлеб заканчивается, консервы вымели. Есть фрукты, овощи, колбаса. В первые дни закупали соль и спички. Сейчас всех попустило, еды берут на день-два. Мужчина берет 10 бутылок коньяка — с завтрашнего дня продажа алкоголя запрещена по всей Одесской области. «И с некоторых магазинов уже убрали, представляете? Даже с полок убрали. Оставили бы, слюни попускать». В очереди завязывается спор — введут ли ответственность за самогоноварение.

* * *

У военкомата — мешки с песком и аккуратная очередь.
Мужик с покорёженным носом представляется:

Дунгер Сергей Степанович. Я рожден в одесском роддоме, седьмом. Живу на Краснова, семь, квартира 22. Как узнал, что началась война? Она с 2014-го у нас идет, и война идет по сегодняшний день. И вот сегодня я пошел добровольцем. Ноль первого марта 2022-го. В первый день весны я пошел воевать.

Потому, что моих братьев ставят на колени. Хотя Россия тоже наши братья. У меня есть там семья. Но и здесь у меня родственники, семья. Мы не должны воевать. Почему воюем — я не знаю. Тут, я не политик вам. Я думаю, политическая какая-то война, нечеловеческая.

Куда отправят — я и не хочу знать. Об этом. Знаете, как говорится, «бог дал — бог взял».

Родная сестра. Она меня не хотела пускать. Забрала все — телефон, документы. Все. Но меня приняли потому, что есть свои связи. Все забрала. И сказала: «Ты никуда не пойдешь! Ты под замком». В доме закрыла. Но каждый замок взламывается. И кстати! Без удара. Скажите ей. Замок целый! Я вышел как спокойный человек. И окошки все целые, честно. Чтоб она не переживала.

Валентину пять дней назад исполнилось 20:

Я пошел добровольцем, как бы, потому, что у меня дома и другого нет. Кроме как Украины. И я знал о ситуации там в Донецке, в Луганске. И я вообще, я в четверг, 24-го числа, не спал всю ночь. Я, когда услышал эту речь Путина, что он начинает эту сратую спецоперацию, начинаются взрывы. Я такой: «Вот это жопа!» Надо вывезти своих куда-то. Спрятать. И идти воевать. Вывез своих в село. И приехал.

Ну, я вообще раньше к службе относился отрицательно. До этого момента. Я понял. Я спросил свою коллегу по работе, девчоночку одну: «У тебя кто-то из знакомых пошел вообще воевать?» Потому, что ситуация критическая, как бы вопрос — либо Украина, либо пусто, как говорится. Она сказала: «Да нет никого». И я такой: «Да ** [блин] твою мать! Никто не хочет, никто не может». И я подумал: «Почему бы и нет?» Я вот думаю пойти, когда вот это все закончится, получить офицерское звание. Для того чтобы, если не дай бог, такое повторится, уже быть готовым ко всему.

Да, страшно. А куда деваться? У вот меня в центре квартира. В условиях уличного боя меня просто упакут в мешок мусорный и отправят к праотцам отдыхать. Поэтому я подумал, что лучше если умирать,

то оказывая сопротивление. Ну а если выжить, то мне накроют огромную поляну и уже по-обычному.

Что я чувствую по отношению к гражданам России? Гнев. Злость. И неприятие того, то, что они не хотят бороться за свою свободу. Эти люди боятся дубинок, боятся штрафов, боятся тюрьмы. Алло, ребята! Мне сейчас 20 лет, и я сейчас иду добровольцем. Мне тоже страшно умирать! Но здесь мой дом! И там у вас тоже ваш дом! И за 20 лет вы не увидели, что у вас какая-то происходит задница! У вас экономика не растет, происходит рецессия. И вы даже не выходите отстаивать свое мнение.

Мне не хватило трех месяцев для того, чтобы доучиться на программиста. Поэтому Путин еще у меня и мечту украл. Но я думаю то, что я выживу. И я доучусь. И как раз Украина вступит в Евросоюз. Я не особо верю в бога. Я верю в автомат Калашникова и в группу [хакеров] Anonymous.

Мать говорит «Иди. Я тебя поддерживаю, но больше живым, чем мертвым». А сестра — хи-хи ха-ха...

Мы сейчас на КПП стояли, машину не пропускали. Сестра смеется. Я говорю: не успею так в военкомат, тогда пойду пешком... Она как-то застопорилась. По ходу будет плакать. Мы двойняшки. Ей тоже 20.

Конечно, я боюсь умереть. Мы все обычные, нормальные люди. Мы все боимся умереть. Все равно, как программист, который чуть-чуть помог уложить пару российских сайтов. Меня все равно репрессируют, если сюда придет оккупационная власть.

* * *

Рядом с военкоматом, в глубине парка «Куликово поле» темнеет мокрый Дом профсоюзов. 2 мая 2014 года — то, что упоминал Путин в своей речи, оправдывая войну. 2 мая 2014 года в Одессе произошли вооруженные столкновения футбольных фанатов, сторонников «Евромайдана» и «Антимайдана». Люди, выступающие против Майдана, отступили с палаточного лагеря на «Куликовом поле» в Дом профсоюзов, который был подожжен коктейлями Молотова. Всего в тот день в Одессе погибли 48 человек.

Борис Яворский — эксперт Одесского бюро судебно-медицинской экспертизы. Он знал трех из погибших и исследовал все тела. Вместе с журналисткой «Украинской жизни» Таисией Найденко он много лет расследовал произошедшее в тот день. Борис и Таисия придерживаются противоположных политических взглядов — «мы уравниваем друг друга хорошо».

— Я сам чуть на Донбасс не пошел воевать после такого, — говорит Борис. — Как с моей точки зрения, история 2 мая стала одной из тех ключевых точек, которые поспособствовали пожару в Донецком регионе. Много моих знакомых после Одессы поехали добровольцами на Донбасс. И вот после этого там полноценно полыхнуло.

— Тогда активно шли захваты администраций по всему востоку Украины, поэтому в Одессе все были на таком ажиотаже, поэтому так и боялись, что в Одессе это тоже случится, — говорит Тая. — Поэтому в этой истерике это все и происходило. Истерика была от этого. В марте были попытки захвата одесской администрации. Бродили тоже эти толпы с колоннами «Мы за Путина», с иконами, с портретами Путина бродили по Одессе. Шли с одной стороны колонною с украинскими флагами, а навстречу им мимо шли колонны с георгиевскими лентами. Мы еще говорили, что Одесса такой замечательный город. Те идут с иконами и с Путиным, а те идут с украинским флагом — и все нормально. А потом случилось 2 мая. И оказалось, что не такой уж мы замечательный город в некоторых смыслах.

Пожар у Дома профсоюзов. 3 мая 2014 года

Андрей Боровский / ТАСС

— Я там был на этих захватах. Я там фотографировал активно. Ну, на самом деле было человек 50 с одной стороны, человек 50 — с другой. В основном бабушки с иконами. Я там был с самого начала до самого конца и могу сказать, что даже никакого разгона не было. Оно потихоньку само рассосалось. Сожгли пару флагов друг друга демонстративно, поулюлюкали друг на друга и рассосались, потому что начало вечереть, похолодало.

— Да, до 2 мая все очень мирненько было.

— Вот и с обеих сторон был даже некий такой почти доброжелательный азарт, да, вот скорее кто кого переулюлюкает.

— 2 мая должен был быть большой футбольный матч. Я уж не помню, кто с кем должен был играть, я не поклонник футбола. И на Соборной площади...

— Собрались фанаты, болельщики. Перед этим футбольным матчем ходят колоннами болельщики, они всегда там. И так как учитывая происходящие события, отжатие Крыма и прочее, эти болельщики шли, особенно украшенные национальной символикой. Они, эти болельщики, естественно, спортивные крупные ребята, как всегда, болельщики, там редко бывают какие-то люди-программисты. Они пошли по Соборке, в сторону...

— Вот аккурат они пошли вниз по Греческой.

— Они должны были пойти, и вот они бы через несколько кварталов дошли бы до стадиона. Это, в принципе, довольно традиционная штука: собираются болельщики, что-то орут, там, идут себе толпой. Потом со стадиона идут обратно, я думаю, это везде происходит. Иногда бьют друг друга, это тоже у них там происходит.

— Один то ли идиот, то ли провокатор с Куликова поля вывел свою, так сказать, дружину и пошел им навстречу, выкрикивая что-то другое.

— И они там друг на друга стояли улюлюкали и уже начали перекидываться камнями.

— А потом вдруг кто-то застрелил одного из патриотической этой тусовки. [Сторонник Майадана Андрей] Бирюков погиб первым. Причем кто стрелял, так до сих пор и неизвестно. Ни оружия нет, из которого был сделан выстрел, ни даже направление непонятно откуда.

— И вот после того, как пролилась первая кровь, собственно, все ошалели и начали уже драться и убивать друг друга всерьез.

— Там началась драка в тот раз, фактически напротив собора. А потом кто-то крикнул: «Идем на Куликово», — потому что на Куликово поле, все знали... Ну, в общем, вспомнили, что под Куликовым полем стоят «враги».

— К 2 мая на Куликовом поле осталась горстка городских сумасшедших, пенсионеров, пикейных жилетов и так далее, потому что вся боевка антимайдановская была в бодуне, поскольку весь предыдущий день были совместные шашлыки майдановцев и антимайдановцев. И в общем, эти городские сумасшедшие и религиозные фанатики и непонятые поэты, собственно, и оказались на пути этой разгоряченной кровью толпы.

— Ну вот интересно, что обыватель простой, он легко понимает, что можно, разгорячившись в драке, в споре, дойти до того, что зарежешь вот родимую жену, да? С которой 20 лет жил. Вот что то же самое может

произойти между двумя группами людей, почему-то ни у кого в голове не укладывается.

— Обязательно «Это работали провокаторы!». Это ж, конечно, ребята, зачем провокаторы? Ну, просто люди видят кровь и просто бьют. А те бьют в ответ.

— Потому что современный человек склонен отрицать иррациональное. Если что-то происходит — это замысел. Если кто-то погиб — это всегда кто-то виноват, люди просто так не умирают.

— Люди на Куликовом что-то сначала пытались отбиваться и орать обидное, а потом отступили в Дом профсоюзов.

— С Греческой на Куликово пришла лишь очень малая часть фанатов, потому что они понимали, что добра там не будет. Прибежала лишь малая часть, но эта малая часть поспособствовала тому, что на Куликовом началась паника, и эти пенсионеры похватили свои иконки со свечечками и побежали в Дом профсоюзов.

— Забаррикадировались. Ну как забаррикадировались? Они просто навалили каких-то деревяшек на входе. Они просто несколько столов свалили на входе, и это и было «забаррикадировались».

— А потом они начали бросать друг в друга бутылки с зажигательной смесью. Те, что помоложе

из забаррикадировавшихся, забрались на крышу и с крыши кидали в толпу бутылки с зажигательной смесью. А те, которые в толпе, кидали наверх в здание. Но мы же понимаем немножко, как физика работает? И подпалить человека, стоящего на улице в толпе, гораздо сложнее, чем подпалить здание...

— Не просто здание, а деревянную баррикаду на входе, сваленную мебель деревянную.

— Эта мебель полыхнула, от нее полыхнула уже внутренняя отделка здания, а далее...

— А дальше внутри все было обшито, как обычно, в нарушение всех правил какой-то там полиэтиленовой вагонкой...

— И что самое главное, банальная физика, лестничный пролет центральный в результате возгорания снизу немедленно превратился в огромную дымовую трубу и создал такую тягу, что по ней, по сути, на протяжении нескольких минут или даже десятков минут шел поток чудовищно раскаленного воздуха. Вот поэтому все те, кто на момент происходящего оказался на лестнице... лестничных пролетах и в непосредственной близости, погибли немедленно, в результате действия раскаленного воздуха — ожоги дыхательных путей. Один-два вдоха и все — человек погиб.

— Из нападающих в здание никто не заходил. В здание невозможно было зайти. В здании было немеряно выживших — выжили почти все, кто не оказался вблизи лестничного пролета и не стал прыгать из окон. Наиболее разумная часть людей потихоньку поднималась наверх, они сконцентрировались на крыше здания, где были впоследствии приняты ментами.

А потом в фейсбуке появились сообщения, что все погибшие в Доме профсоюзов — это боевики из России и Приднестровья. И все украинские издания и большая часть российских это перепостили как факт. Но я как эксперт видел документы. Из погибших было всего двое иногородних: один из Николаевской области, другой — из Винницкой. Все остальные — жители Одессы и Одесской области. Но эта ложь запустило совершенно чудовищную реакцию — началось глумление. Это было совершенно отвратительно. И даже не сами события, а вот эти глумления и стали для очень многих украинцев поводом к пониманию того, что это уже не разногласия в видении будущего, это уже ненависть и вражда, это уже желание смерти друг друга. Это уже вышло за пределы идеологического противостояния и стало противостоянием смертельным. И очень многие одесситы после этого, собственно, из Одессы отправились в Донецк. Вот среди моих совсем близких знакомых человек десять. Очень многие, человек

десять. И сейчас кто-то из них собирается идти на Одессу вместе с российской армией.

Но эта война. В результате чувства того, что изменилась обстановка, сильная поляризация в обществе. В результате того, что произошло, куда-то подевалось на самом деле традиционное противостояние, которое длилось все эти восемь лет, условных майдановцев и антимайдановцев. Все как-то неожиданно для самих себя, судя по всему, утратили это чувство противоречия и враждебности друг к другу перед лицом более, так сказать, актуального противника.

— Это просто срабатывает, — говорит Тая. — Ты можешь говорить, как многие любили: «Да, это политика, мы в ней не разбираемся, все врут, все понятно». Но когда на тебя что-то летит с неба, ты видишь взрывающиеся дома жилые и ты понимаешь, все становится уже довольно понятно.

У нас тех, кто курит трубку, называют трубокурами. У нас по Одессе в трубокурском одесском клубе есть и работяги-строители, и патриоты, которые воевали в АТО, и бизнесмены одесские, и таможенники, и судмедэксперт, и вата-журналист, ну то есть кого там только нету. Там срез очень... очень интересная публика, потому что людей объединяет только то, что они курят трубку.

И вот поэтому ты видишь очень разных людей с очень разными мнениями, и я понимаю, что в Одесском клубе активно действующих людей — человек сорок примерно. И вот из них сейчас, насколько я сейчас понимаю, одного мы исключили из всех чатов, потому что он регулярно хвалил Путина. И ему просто ребята сказали: «Серег, ты сейчас вот отвечай. Ты вот сейчас готов признать, что это война, что это все всерьез?» Ну а Серег начал в ответ: «Все не так однозначно... Мы ж не знаем, кто прав, кто виноват, ребятушки». Ну и в ответ на это его удалили из всех чатов, потому что в этих чатах обсуждают в том числе и боевую информацию, какую-то тактическую информацию. Еще есть человека три-четыре, которые: «*****[блин], все вы мне не нравитесь вообще!» То есть человека три-четыре, которые «Все вы мне не нравитесь, ну раз бомбят, будем защищать Одессу». А все остальные — кто уже воюет, кто готовится воевать, кто идет в тероборону записываться. То есть вот срез — в среднем по Одессе мужики. И это очень разный, повторяюсь, срез, потому что там разный возраст, разное материальное положение, то есть людей объединяет случайный параметр, очень. Очень случайная выборка, поэтому особенно интересно.

И особенно смешно на этом фоне читать, что тут сидят в Одессе три фашиста, а остальные одесситы сидят

и ждут, что их придут и спасут от этого всего безобразия.

РЕПОРТАЖ «МЕДУЗЫ» ИЗ ОДЕССЫ

Убеждали себя, что это не стрельба Как Одесса переживает российское вторжение. Репортаж «Медузы»

* * *

Мэр Одессы Геннадий Леонидович Труханов тоже ходит с желтым скотчем на рукаве. «Я каждые пять лет перед выборами то сепаратист, то бандеровец, то непонятно кто». С момента введения военного положения город перешел под управление военных. Мэр с командой переехал в бывший партийный офис — но и здесь практически не бывает, ездит по городу:

Взрывы. Это было понимание и ощущение начавшейся войны. Потому что много до этого говорили о войне. Но пока не почувствуешь под ногами содрогания земли и ночные выстрелы, не увидишь их — вот тогда действительно пришло понимание, осознание, что началась война. Это было 24-е, нанесли удары по эхолокационной станции, ощущалось нехорошо это, было очень хорошо слышно.

Все по старой схеме, ночью. Это военная тактика — те, то дежурили ночью, уже на исходе силы, а те, кто должны были заступить утром, еще не пришли.

Поэтому это такая военная тактика, военная мудрость, если это можно назвать мудростью, — нападать в то время, когда люди наиболее беззащитны и расслаблены.

Я сразу оделся и поехал на работу, собрал всех заместителей, и начали работать.

За эту неделю очень много удалось, ударными темпами. Во-первых, мы смогли переориентировать наши коммунальные предприятия, все службы на работу в военное время. Это кажется, что просто, но это очень сложно. Нужно сотрудникам в комендантский час приехать на работу, уехать и так далее. Обеспечить выход коммунальной техники, аварийной техники, теплосети, потому что возможны и прорывы, и аварии. Все это согласовать с военными, уже патрулирующими город, а люди уже на взводе, в каждой машине ищут замаскированных врагов переодетых. Я их понимаю, с одной стороны, потому что есть информация, что здесь работают диверсионные группы, и первое время все с повышенным возбуждением смотрели, каждому мерещился подозрительный человек, кажется, что это враг. и тогда начиналась стрельба без повода. И люди

сами не понимали, почему так происходит. Я сам видел, идет человек, с рюкзаком. Его спрашивают: «Куда вы идете?» Он отвечает: «Я домой». Ему говорят: «Остановитесь». Он говорит: «Да я домой, я там живу». Раздались выстрелы, были ссоры, были скандалы, возмущались, что вы такое позволяете себе. Сейчас пришло все-таки понимание.

Я собачник, утром выхожу в парк. Люди подходят, и я понимаю, что даже если становлюсь мишенью в каком-то смысле, в прямом и в переносном. Но когда это видят люди, а в основном гуляют женщины, они говорят: когда мы вас видим, что вы пошли с собаками, значит, еще сутки у нас будут нормальные. Если вы здесь, значит, будет все хорошо.

Жена моя здесь. Дочь с внуками — вчера я их просто силой, со слезами, они сейчас на границе. Я вот сейчас говорю с надеждой, что она не развернется и не вернется. Все со слезами, и я сказал: «Давай три дня там побудешь и вернешься».

Я гуляю в парке, ко мне подходят и спрашивают:

«Вы видели, что они делают около Оперного?»

Я спрашиваю: «А что они делают около Оперного?»

Поставили два БМП. Я тоже этого не понимал.

Я пришел к ним и говорю: «Ребята, вы поставили БМП возле памятника архитектуры. Если бы вы наносили ответный удар по военной технике — они же могут

попасть в Оперный». Они деликатно промолчали. Потом начались баррикады. Я думаю: что делать. Зачем возле Оперного баррикады? Что мы — в город их пустим, получается?

Мародерства нет. Дай бог, чтобы так оно и продолжалось. Вы знаете, у нас вообще, как оказалось, при всей истории нашего города, про которого ярлыки «в Одессе крадут, бандитский город» — враки.

Бомбоубежищ у нас 353. Из них 85 в коммунальной собственности, то есть мои, за которые я несу ответственность. Вот все 85 бомбоубежищ я привел в 2014–2015 году в порядок. Единственное, чего не смог сделать, — систему вентиляции. Там стоят большие фильтры производства еще Советского Союза. Я еще в 2014-м писал письма премьер-министру и говорил: понимаете, это фикция, люди там не высидают, поменяйте, пожалуйста, фильтры в бомбоубежищах. Сегодня 22-й год — ничего не сделано.

— То есть вы в 2014 году предвидели, что может быть война?

— Слушайте, тогда все двигалось тоже в этом направлении. В Одессе были взрывы, работали

диверсионные группы. Два-три раза в неделю что-то взрывалось.

В городе говорят, у меня русский паспорт. Паспорта нет, гражданства нет. Но у нас здесь есть люди с русским паспортом, но они совершенно нормальные люди, адекватные, а то русский паспорт — это приговор какой-то. Это был 2014 год — но сказали под выборы, чтобы меня снять с выборов. Я обратился в генеральное консульство России, как положено. Официальный ответ, это ответ генконсульства — нет у меня российского гражданства.

Противотанковые ежи на улицах Одессы

Petros Giannakouris / AP / Scanpix / LETA

Волонтеры и мешки с песком, которые станут частью городских укреплений. 25 марта 2022 года

Nina Lyashonok / UKRINFORM / SIPA / Scanpix / LETA

Одесса. 22 марта 2022 года

Louai Barakat / SIPA / Scanpix / LETA

Укрепленный памятник дюку де Ришелье. 24 марта 2022 года

Petros Giannakouris / AP / Scanpix / LETA

Я стою на принципах и буду на них стоять, что я буду ходить 9 мая, что я хожу в церковь московского патриархата. Но я не собираюсь менять свою церковь, в которую я хожу, и отца, у которого я исповедуюсь, потому что это кому-то не нравится. Я не вижу, что он добросовестно служит богу и своему делу. И они начинают напоминать, что я не так сказал. Это было в 2015 году, я шел на Аллею Славы 9 мая, у меня была надета георгиевская ленточка. Ко мне подбежали,

начали спрашивать. Я говорю им, что для меня георгиевская ленточка не какой-то там враг — это воинская доблесть, слава. В любой стране гордятся своими солдатами. Потом начали спрашивать про Крым. Я вообще не люблю ситуации, когда все такие агрессивные. Я им отвечаю: «То, что я знаю, то я и говорю. Вам может не понравиться. У нас были там войска, морская пехота. Я ни одного выстрела не услышал. С другой стороны я слышу заявления, что парламент собрался и проголосовал. Я не знаю, под дулами или нет. Что вы хотите от меня услышать?»

— Я еще хотела спросить про 2 мая. Я лично знаю двух человек, один из них солдат российской армии, который был ранен при замыкании Дебальцевского котла, а другой доброволец, который пошел воевать на Донбасс, и они главную мотивацию, почему они вступили в конфликт, называли трагедию 2 мая.

— Для Одессы это незаживающая рана, в таком мирном дружелюбном городе никогда такого не было, массового убийства. Причем не просто убийства, а циничного убийства, когда добивали людей, которые уже упали, сломали ноги — их убивали. Это варварство.

Им не нравится, когда я им это говорю, потому что они считают, что они боролись с врагами Украины. Про 2 мая я могу очень многое рассказать, потому что я делал все, чтобы его не было. На Куликовом поле было 14 палаток

больших. До 2 мая я смог провести переговоры и попросить, чтобы семь палаток они убрали.

Я пришел на Куликово поле. Я сказал им: смотрите, я пришел. Вы же говорите, что я где-то прячусь. Но вы придете потом ко мне и объясните, что вы делаете в городе. Вы понимаете, что вы толкаете людей на смерть? Вы за что боретесь? «А вот коррупция, низкие зарплаты» — обычный набор. Я говорю — окей, ребята, вы классно боретесь, только Майдан — точно с такими требованиями. Разница в том, что те стоят под украинскими флагами, а вы стоите под различными другими, в том числе и русскими. Посмотрите требования Майдана и ваши, они похожи, только формы совершенно другие. Вы очень молодые, вас, придурков, одурманивают, вы нарветесь на очень серьезные неприятности. как минимум вас посадят за это в тюрьму, и будут иметь на это полное право. Уберите палатки. У вас нет машин, генератора — я вам все дам. Только уберите палатки. Хорошо, семь палаток сворачиваются и уезжают. Вторая часть — более радикальные. Хорошо, я с ними переговорю. Со мной идут все телеканалы, идет начальник полиции. Идем на Куликово поле, там оставшиеся палатки. Я вас прошу: «Уберите это все, это неправильно. Я же пришел к вам с миром, вот мой телефон». Приходят переговорщики: «Ну если вы поможете нам

с переездом». Я говорю: «Хорошо, я помогу».

И мы договариваемся с ними, что 2 мая после футбола они все съезжают.

И я хочу задать вопрос тем, кто сильно выступает и рассказывает о трагедии 2 мая: когда Россия говорит, что мы придем и накажем за 2 мая, я бы ответил одно — вы начните там у себя их наказывать. Дмитрий Фучеджи [бывший заместитель начальника милиции Одессы] — он сейчас в России, интервью раздает — он отвечал за общественный порядок. Он должен был встать между противоборствующими сторонами вместе с полицейскими. Он носил мундир офицера полиции, спрятаться ему негде было, ранили его в руку — надо посмотреть фильмы про войну, как люди без рук воевали, как люди с ранением в головы воевали дальше и стреляли, без руки дальше. А здесь ранили в плечо — вышел из боя.

Пожарный [Владимир] Боделан [бывший начальник областного управления ГСЧС], который сейчас чиновник в Крыму, — пусть он ответит, почему здание не тушилось? Где были наши пожарники, когда люди горели. Одна машина выехала, ее захватили — все? У нас в Одессе пожарный отряд из одной машины состоит? Перепугались? Так надо было не бояться, это долг его. Он должен был выехать и спасти людей, которые горели там, — но я их там не видел. Если

пожарный — он должен тушить пожар. Он должен выезжать по критической ситуации. Я слышал от них — нам команда не поступила. Какая команда должна быть, если горит здание и гинут люди? Если ты действительно человек долга и чести — сядь в машину и езжай спасать людей. А сегодня они раздают интервью. Да вы извинитесь сначала, за то, что вы не выполнили свой долг. Вам государство за это деньги платило, звания давало. Вот так просто спросить, а то ищут они, кого карать здесь. Да, система должна работать эффективней, прокуратура должна... Я уверен, что правовая оценка все равно будет дана.

— Разве не было уголовного дела?

— Уголовное дело есть, просто оно не движется никуда. Мы вспоминаем про 2 мая только перед выборами. Когда партия, которая за это переживает, особенно активничает, когда ей надо собрать голоса одесситов. Это такой цинизм, кощунство — не знаю, какие еще слова подобрать.

От меня сейчас требуют, чтоб я на камеру сказал: русский корабль, иди на ***[хер]. Но я в принципе таких слов не говорю. Предложат сдать город? Нужно еще спросить мнение жителей города. Мы город сдать не согласимся. Во-первых, я уверен в уровне наших вооруженных сил, что они не сдадут город. Ну и жители города — тоже. Знаете, это просто какой-

то звездац, не знаю, какое еще слово... чтобы русские люди, русская армия взяла Одессу. Этого никто не могу себе представить, даже в теории. Под видом того, что нас освобождают от кого-то, помогают, справедливо карают тех, кто 2 мая устроил.

* * *

На Соборной площади в крытом павильончике мужики режутся в шахматы. Два столика — быстрые шахматы по таймеру и медленные. Холодно, но не замечают. До комендантского часа еще два часа, времени полно.

— На авантюру пойду слоном ходить. Кого мне тут боятся?

На черно-белых досках разворачиваются бескровные сражения.

— Что, Семен, обижают тебя? Я бы уже проиграл. В крайнем случае сдался бы и все.

— Что это за ход, вот что это за ход, кто знает, что это за ход?

— Пойдем пока сюда. Называется — фиг вам. Фиг вам — он и в Африке фиг вам.

Разговоры про войну за шахматами запрещены.

— Зачем я так позорно играю? — говорит Леня.

— Третью партию играю черную и играю ерунду. Зачем я брал, не видел, что под конем стоит?

— Третью пешку давай

— Не дам.

— Жмот.

— Придется таки тикать, — говорит Леня и уводит слона из-под удара.

— Сгорел забор — гори и хата!

— Пошли сюда и даже меня не спросили, можно ли так.

Воздушная тревога. Сирена воет. Мужики продолжают играть в шахматы, их ходы ускоряются. Но наконец складывают фигурки в мешочек.

Люди бегут в подземный переход — «не подвал, но все же».

Сирена звучит и звучит. Девятилетняя Лена (очки, косичка) успокаивает собачку Асю. Ася на руках у Лениной мамы. Каждый раз, когда сирена берет высокую ноту, собака вытягивается и хрипит. «Асечка, не бойся, — говорит Лена. — Ты собачка, ты не бойся». Лена забирает Асю на руки и собака утыкается в плечо, утихает. Ася — жесткошерстный терьер, и мама

выщипывает жесткую шерсть, показывает — надо триммировать.

Тревога стихает. Мама хочет пройтись еще, Лена говорит взрослым голосом: «Не будем сегодня больше ходить, незачем».

— Пятая станция, бомбануло хорошо.

Мужики перетаскивают лавочки от уличных кафе, спущенные в переход.

— Вы в бога верите? — спрашивает охранник.

— Спускайтесь.

Нижний храм Спасо-Преображенского собора стал самым большим бомбоубежищем Одессы. Золотые стены, витые колонны, темные фигуры святых.

На кафельном полу у стен — ковры, на которых расстелены одеяла. На одеялах — люди. В собор не пускают домашних животных, но люди проносят кошек внутри сумок.

Старший сын Кристины — ему восемь — собирает пазл, только начал, и не видно, что за картинка. Младший — ему четыре — сидит в телефоне. Семья Кристины ночует в соборе третий день.

— Мы живем на Софиевской, у нас дом без подвала.

Расклеили листочки на подъездах с адресами, где бомбоубежища. Что во всех больницах можно укрыться.

На Пастера две больницы обошла, на Дворянской — нигде ничего нет, говорят — дезинформация.

На Торговой, 20, бомбоубежище есть, но там местные жители: «Мы оборудовали для себя, для двора, пустим, если останутся места». А как мы туда под тревогой побежим, как узнаем, есть места или нет?

Несколько секунд Кристина плачет. Ее дети этого не видят.

— С утра идешь домой. Тормозок собрали — еды на день, на ночь. Пообщаться с родными во всех уголках — кто жив, кто не жив. Помыться. Потом сюда опять.

— Здесь такая аура. Спокойнее здесь, — говорит Кристина. — Не думаешь о плохом, как-то яснее.

— Аура? — говорит босой парень рядом. — Нет, церковь бомбить не будут. Они веруют.

— А дома бомбят? — говорит женщина из угла.

— Веруют? В кого?

— Я за политику не хочу говорить, — говорит Кристина.

— Хочу спросить — за что. Но не знаю, кого.

— Русских спроси, — говорит женщина из угла.

— Моя родня по отцу в России. Я отовсюду их поудаляла. У них своя правда. У нас своя. Мы ее переживаем.

* * *

Вика готовит пшенную кашу и жарит яйца. Она официантка, но ее кафе закрыто. Сегодня она собирала по городу дренаж для авокадо — прорастила из косточки, нужны камешки, но к пляжу сейчас не спустишься, заминирован. Вика проращивает авокадо и лимоны. Спускается на квартиру ниже, к Вере Григорьевне. Вере Григорьевне 85 лет. С начала войны она читает Агату Кристи — целый день, том за томом. Она почти совсем не слышит.

Вера Григорьевна говорит:

— Пусть бы Путин завоевал это страну! Свобода ценой жизни — мне это не нравится. Знаете, как тяжело жить в стране, которую ненавидишь? Меня аж трясет, насколько мне это не нравится. Украина должна быть с Россией. Я и патрулю сказала: я шпион. В чью пользу? В пользу русских. Он так зло на меня посмотрел! Закрыли столовую, которая пенсионеров кормила. На плаву нас держала. И голод был, и репрессии, и сейчас что — а все равно хочу быть с Россией. Многие так думают. Но боятся. Чего боятся? Ну боязливые, привыкли бояться. Незалежна? От всех залежна. Нищая, нищая.

— Киев бомбят, Вера Григорьевна, — говорит Вика.

— Как бомбят? Киев? Я не верю тебе, Вика.

Вера Григорьевна садится есть, Вика присаживается рядом. Вике 17, розовые тени к вискам. Она из Можняковки, Луганская область. Ее отец сейчас в Харькове, под артобстрелом. Ее мама — в ЛНР.

— У меня слишком много родственников. 20 человек, по всей стране. Техникум в Старобельске, в который я поступила, разбомбили. Я теперь только под утро засыпаю. Я не буду говорить, что я думаю. Я выросла в Молжняковке. Там 1500 человек. Идешь по улице, тебя спрашивают — Россия или Украина? Если говоришь «Россия», тебя бьют. Если говоришь «Украина», тебя бьют. Надо догадываться, кому чего говорить. Я лучше молчу.

Вера Григорьевна ест. Вика вычесывает кошку.

— Что вам за сны снятся?

— Ничего хорошего, одни гадости.

— Стоит вспоминать сон, как вы летали над Одессой, — говорит Вика. — Можно потом Агату взять почитать?

— Естественно да, чего спрашиваешь, — говорит Вера Григорьевна.

Вера Григорьевна с фотографией мужа. Женщина отбирает фотографии, которые будет спасать при воздушной тревоге.

Елена Костюченко / «Новая газета»

Вика моет посуду. Вера Григорьевна идет в соседнюю комнату и достает конверты с фотографиями. Конверты рассыпаются от старости. Подписано — «мама», «друзья», «свадьба», спокойные черно-белые лица. Вера Григорьевна придирчиво выбирает мертвых, которых будет спасать с собой в бомбоубежище.

Господи, хоть бы дожить эту ночь Мариуполь в коме.
«Медуза» рассказывает, как российская армия
уничтожила один город. И тысячи жизней

Елена Костюченко, Одесса

(1) Что это?

Село в Одесской области.

[Вернуться к тексту](#)